ГОША ПРОК

ТЕПЕРЬ ТЫ САМ...

ТОМ 2

18+

Гоша Прок

Теперь ты сам. Том 2

«Автор»
2026

Прок Г.

Теперь ты сам. Том 2 / Г. Прок — «Автор», 2026

Москва, 1994 год.Чужая жизнь окончательно стала его собственной. Теперь никто не принимает решения за Владимира — и отвечать за них тоже приходится самому.Небольшой бизнес, попытка вернуть отношения с детьми, новая женщина и странная работа на человека из государственных структур могли бы стать началом нормальной жизни. Но простая просьба найти исчезнувшего инженера приводит Владимира к приватизируемому заводу, большим деньгам, криминалу и людям, которые предпочитают, чтобы некоторые документы и некоторые свидетели исчезали навсегда.Он по-прежнему не агент, не бандит и не герой. Просто человек, который слишком часто находит третий выход там, где другим видны только два.

© Прок Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 6
ГЛАВА 2 14
ГЛАВА 3 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Теперь ты сам. Том 2

ТЕПЕРЬ ТЫ САМ
Том 2.
Автор: Гоша Прок

ГЛАВА 1
ТЕПЕРЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО САМ

Игорь Павлович проснулся и сразу понял, что случилось что-то нехорошее. А именно - ничего. Вот то то и оно — ничего не случилось. Никто не стрелял, не ломился в дверь, не бил по голове, не тащил куда-нибудь силком и даже не задавал вопросов, на которые желательно отвечать быстро и правильно, потому что второй попытки может не быть. За стеной кто-то кашлял. На улице натужно заводилась машина. В трубе отопления что-то булькало, словно там медленно варили очень большого рака. Обычное утро. Игорь Павлович лежал неподвижно, уставившись в потолок. Потом сказал мысленно:

— Ну что, Володя?

Никто не ответил.

— Подъём. Хватит дрыхнуть.

Тишина. Игорь Павлович подождал. Это было глупо. Он прекрасно знал, что Владимира больше нет. Вчера, позавчера и третьего дня тоже знал. Но знать — одно, а привыкнуть — совсем другое. Если рядом с человеком пятьдесят лет спит жена, он ещё долго после её смерти просыпается на своей половине кровати. А Владимир прожил с Игорем Павловичем куда меньше, зато гораздо теснее — ближе уже не бывает.

— Эй, хозяин, — попробовал Игорь Павлович ещё раз. — Я, между прочим, без разрешения твоим организмом пользуюсь.

Ноль.

— Ну и хрен с тобой.

Получилось сердито. Игорь Павлович закрыл глаза, прислушался уже не ушами, а куда-то внутрь. Раньше там всегда кто-то был. Не голос даже. Присутствие. Владимир мог молчать, спать, думать о своём, Игорь Павлович мог его ругать, поучать, удивляться очередной глупости, но существовала совершенно определённая граница: вот это — тот, а вот это — другой. Теперь граница исчезла вместе с одним из участников. Свободного места почему-то больше не стало. Наоборот, словно в комнате вынесли большой шкаф, который страшно мешал, перекрывал половину окна и всё время цеплял углом, а когда вынесли — оказалось, что без него комната пустая. Игорь Павлович сел. Спина не заболела.

Это уже почти перестало удивлять. Девяносто четыре года учили человека вставать постепенно: сначала открыть глаза, потом оценить, что сегодня болит сильнее всего, пошевелить пальцами, ногами, определить, хочет ли организм жить дальше, и только получив общее согласие заинтересованных органов, приступать к подъёму. А тут — сел. Просто сел. И ничего. Спина гнулась, шея поворачивалась, ноги находились там, где им положено, а не там, куда их ночью перекосило. Сердце вообще вело себя безобразно — молчало и работало. Игорь Павлович свесил ноги с дивана и несколько раз пошевелил пальцами.

— Молодой организм, — сказал он вслух.

Голос получился владимирский. Вот с голосом было хуже всего. К лицу можно привыкнуть. Руки перед глазами тоже постепенно становились знакомыми. Но каждый раз, когда Игорь Павлович произносил что-нибудь вслух, отвечал ему Владимир. Он встал и пошёл к маленькому зеркалу над умывальником. Комнату эту снял не он — её на несколько дней устроили люди Николая Евгеньевича. Вернее, людей Игорь Павлович не видел. Просто после одного звонка выяснилось, что по такому-то адресу его ждёт ключ, а хозяйка комнаты уехала к дочери и на неделю вполне согласна поселить «родственника из области».

Кем именно Игорь Павлович приходился этой женщине — племянником, братом, незаконнорождённым сыном или американским дядюшкой, — никто не уточнил. Хозяйка тоже

отсутствовала. Очень удобное родство. В зеркале обнаружился всё тот же мужчина. Ничего особенного. Лет сорок с небольшим. Лицо немного осунулось после последних приключений, на скуле ещё желтел остаток синяка, под глазом проходила тонкая царапина. Щетина отросла. Волосы требовали хотя бы расчёски, а лучше парикмахера. Игорь Павлович наклонился ближе. Мужчина тоже. Повернул голову. Тот повторил. Поднял бровь. Точно.

— Ну и рожа, Володя.

И вдруг лицо само собой чуть перекосилось — правая щека втянулась внутрь, зубы прикусили её изнутри. Игорь Павлович замер. Он этого не делал. То есть, конечно, сделал. Кто же ещё? В комнате один человек, и тот отражается в зеркале. Но привычка была не его. Владимир так делал, когда задумывался. Прикусывал щёку и чуть наклонял голову вправо. Игорь Павлович медленно разжал зубы.

— Это ещё что?

Зеркало ответа не дало. Память услужливо подсказала, что Владимир делал так с самого детства. Мать даже ругала его: «Вовка, перестань рожи корчить, так и останешься». Вот и остался. Игорь Павлович отошёл от зеркала и сел на край дивана. Интересно получалось. Владимира нет. А привычка есть. И не только привычка. Игорь Павлович закрыл глаза и попробовал вспомнить школу Владимира. Пожалуйста. Длинный коридор. Коричневый линолеум. Окна слева. В конце лестница. Кабинет физики на втором этаже, химии — дальше. Физичку звали… Анна Ивановна. Нет, погодите. Анна Васильевна. Точно. Толстая, добрая, с огромной грудью, на которой любые бусы лежали почти горизонтально.

Однажды Вовка разбил у неё какую-то стеклянную штуковину. Какую? Память поискала и выдала: амперметр. Игорь Павлович открыл глаза. Он никогда в этой школе не был. Вообще. Другой район, другой возраст, другая жизнь. А амперметр помнил. Теперь Машка. Совсем молодая, лет двадцать. Светлое платье. Волосы собраны на затылке. Смеётся и почему-то сердится одновременно. Откуда картинка? Дача приятеля. Лето. Комары. Она впервые разрешила проводить себя до станции. Следующее. Димка в роддоме. Точнее, не в роддоме, рядом — тогда отцов внутрь особенно не пускали. Машка показывает свёрток из окна, а Владимир снизу ни черта не видит, но машет руками, как будто ребёнок способен его различить с четвёртого этажа.

Ещё. Жанночка. Маленький велосипед. Парк.

— Не отпускай! Папа, не отпускай!

Владимир бежит сзади, держится за седло.

— Не отпущу.

А сам уже отпустил. Жанна едет. Три метра. Пять. Десять. Потом зачем-то оглядывается, обнаруживает предательство родного отца и немедленно падает. Рёв. Разодранное колено. Кровь. Владимир несёт велосипед одной рукой, Жанну другой, и сердце колотится так, будто ребёнок как минимум сломал позвоночник. Игорь Павлович открыл глаза. Ладони вспотели. Вот тебе и «чужие воспоминания». Очень даже свои ощущения. Мало того — сейчас он совершенно точно знал, где именно Жанна упала. Мог дойти до того места. Мог показать дерево, возле которого стояла скамейка. Помнил даже, что по дороге домой купили мороженое, хотя Машка потом ругалась: ребёнок простужен, коленка разбита, а отец лечит пломбиром.

Игорь Павлович задумался. Человек умер, но барахло своё не забрал. Вещи оставил. Память. Детей. Жену, пусть бывшую. Знакомых. Ошибки. Долги, может быть. Привычку жевать щёку. И тело. Последнее особенно. Очень странное наследство. Игорь Павлович поднялся и стал собирать свои немногочисленные вещи. Их было так мало, что вся жизнь Владимира помещалась в одну сумку. Правда, после недавней беготни часть имущества вообще исчезла неизвестно где, часть уничтожена, часть лучше было никогда больше не видеть. На дне обнаружилась старая обувная губка. Игорь Павлович хмыкнул. Губка пережила бандитов.

Рядом лежала отвёртка. Какая-то мелочь. Две пары носков. Записная книжка. И — красная / синяя лыжная шапочка.

Игорь Павлович достал её двумя пальцами. Вот уж предмет. Когда он впервые увидел эту систему владимирской маскировки, хотелось смеяться. Синяя шапочка — один человек. Красная — совсем другой. Штирлиц отдыхает. Ни накладных усов, ни париков, ни паспортов на имя инженера Исаева. Просто нахлобучил красную шапку и растворился среди населения. Самое противное — работало. И не один раз. Игорь Павлович покрутил шапку в руках.

— Ну что, Володя, — сказал он. — Не Джеймс Бонд ты был, конечно.

Хотел добавить что-нибудь ехидное. Не добавил. Аккуратно сложил шапочку обратно.

— Но кое-что понимал.

Ну, ладно, что было, то прошло. И вообще, происходящее настолько отличалось от прошлой жизни, что возникал вопрос: а какая жизнь настоящая? Какая-то из них не жизнь, а имитация. Типа, как прочитал книгу и закрыл том. Так и история с кассетой прошла, как том, в котором смешались детектив и триллер. Прошло – и прошло. Тут главное, чтобы дальше не было «том 1», «том 2»… Тихая гавань, никаких угроз и погонь, оружия и смертей. Хотя… наследие тома 1 осталось с ним с разных сторон, и чем это обернется в дальнейшем – сказать невозможно. Но намеки все-таки есть, и они не очнь-то радуют.

В дверь постучали. Игорь Павлович оказался у стены раньше, чем успел подумать. Вот прямо так. Секунду назад стоял возле дивана, а теперь — сбоку от двери, так, чтобы человек из коридора не видел его сразу после открытия. Правая рука машинально поискала оружие. Оружия не было. И слава богу. Стук повторился.

— Кто?

— К вам.

Замечательный ответ. Особенно если учесть, сколько народу за последнюю неделю приходило именно «к нему» и с какими намерениями. Игорь Павлович посмотрел на окно. Второй этаж. Прыгать можно, но незачем торопиться. Всё-таки времена немного изменились — три дня как никто не пытался его убить. Рекорд.

— Кто именно?

За дверью слегка помолчали.

— От Николая Евгеньевича.

Уже лучше. Хотя, если бы Игорь Павлович собирался к кому-нибудь вломиться, тоже сначала назвал бы знакомое имя. Он осторожно открыл замок, оставляя дверь на цепочке. На площадке стоял мужчина лет тридцати пяти. Обычный. Серое пальто, тёмная шапка, лицо из тех, которые через две остановки метро уже не вспомнишь. В руках — ничего. Что, конечно, совершенно не означало, что ничего нет в карманах. Мужчина посмотрел на щель.

— Владимир?

Игорь Павлович не ответил.

— Николай Евгеньевич просил передать.

Мужчина показал небольшую связку ключей.

— Что это?

— Ключи.

— Это я определил. От чего?

Впервые на лице посетителя появилось что-то похожее на выражение. Не улыбка. Скорее, лёгкая усталость от общения с человеком, которому всякий предмет необходимо сначала разобрать на составные части.

— От квартиры.

Игорь Павлович снял цепочку. Мужчина протянул ключи и сложенный листок.

— Здесь адрес. Сегодня можете переехать.

— Чья квартира?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Николай Евгеньевич.

— А он скажет?

— Не знаю.

Очень информированный молодой человек. Игорь Павлович развернул бумажку. Адрес. Больше ничего.

— И всё?

— Пока всё.

Слово «пока» прозвучало нехорошо. Впрочем, последние дни Игорь Павлович вообще стал чувствителен к словам. Особенно к «пока», «пойдёмте», «поговорим», «ничего страшного» и «оружие положите на стол».

— Николай Евгеньевич ничего больше не передавал?

— Передавал. Сегодня отдыхать. Завтра с вами свяжутся.

— А если я уйду?

Мужчина пожал плечами.

— Уходите.

— А если далеко?

— Владимир…

Он, наконец, улыбнулся. Совсем чуть-чуть.

— Николай Евгеньевич сказал, что вы обязательно спросите что-нибудь в этом роде.

— И что отвечать?

— Что это ваше дело.

— Правда?

— Наверное.

Игорь Павлович посмотрел на него внимательнее.

— Вы сами-то верите?

Мужчина подумал.

— Не очень.

После чего повернулся и пошёл к лестнице. Игорь Павлович закрыл дверь. Посмотрел на ключи. Потом снова открыл. Мужчина уже спускался.

— Молодой человек!

Тот обернулся.

— А квартира хоть с ванной?

На этот раз он улыбнулся совершенно нормально.

— С ванной.

— Тогда передайте Николаю Евгеньевичу, что на первое время я готов сотрудничать.

— Передам.

Вот так человека и покупают. Не деньгами. Ванной. Хм-м-м…

Помяни черта – и вот он на пороге. Кажется, начинается том 2. Через час Игорь Павлович стоял перед новым домом. Дом был самым обыкновенным. Не сталинская высотка, не номенклатурная крепость и не секретная явка с пулемётными гнёздами на балконах. Девятиэтажка. Серая. Таких в Москве тысячи. Перед подъездом две старушки на скамейке, хотя для сидения погода была не самая подходящая. Но отечественная старушка — существо всесезонное. Ей и двадцать градусов мороза нипочём, если есть возможность первой определить, кто к кому пришёл и по какой причине. Игорь Павлович прошёл мимо. Старушки проводили взглядом. Вот и первая наружка.

Подъезд пах кошками, варёной капустой и чем-то строительным. Лифт работал. Уже роскошь. Квартира находилась на шестом этаже. Игорь Павлович вставил ключ. Не вошёл.

Сначала прислушался. Тишина. Открыл дверь и постоял сбоку. Тоже тишина. Потом только сообразил, чем занимается. Нормальный человек, получив ключи от квартиры, радуется. Ненормальный проверяет, не сидит ли за дверью человек с пистолетом. Справедливости ради — ещё неделю назад такая проверка выглядела не паранойей, а элементарной гигиеной. Игорь Павлович вошёл. Однокомнатная. Небольшая прихожая. Справа кухня. Прямо комната. Ванная и туалет отдельно, что вообще приводило жилище почти в дворцовый разряд.

В комнате стояли диван, шкаф, два кресла, стол, телевизор и небольшая полированная стенка. Мебель не новая, но приличная. На полу ковёр. Настоящий ковёр, а не линолеум с загнутыми краями, о который Владимир два года собирался споткнуться насмерть. Игорь Павлович медленно прошёл по квартире. Проверил окно. Шестой этаж. Плохо. Если придётся уходить через него, сотрудничество с Николаем Евгеньевичем окажется очень коротким. Балкон. Лучше. Соседний балкон метрах в двух. Теоретически перепрыгнуть можно. Практически лучше сначала написать завещание. Дверь на кухню. Форточка. Вентиляция. Замок. Телефон. Игорь Павлович остановился посреди комнаты.

— Совсем рехнулся.

Первое, что он сделал в собственной — пусть и условно собственной, — квартире, было не проверить постель и даже не посмотреть, показывает ли телевизор. Он искал пути отступления. Человек получил жильё. Человек думает, как из него убежать. Непорядок. Игорь Павлович вернулся к входной двери и несколько раз попробовал замок. Закрыл. Открыл. Ещё раз закрыл. Хороший. Главное — один. За дверью нет Генки. Нет Людки. Нет Лариски. Никто не бросит сапоги поперёк коридора. Никто не станет орать у телевизора. Никто не приведёт ночью собутыльников. И никто не сможет сказать: «Вовка, открой, я ключ потерял». Игорь Павлович ещё раз повернул ключ. Щёлк. Тишина.

Вот тут новая квартира понравилась по-настоящему. На кухне обнаружился холодильник. Большой, белый, гудящий. Игорь Павлович открыл. Внутри горела лампочка. Кроме лампочки — ничего. Он заглянул на верхнюю полку. Потом на нижнюю. Зачем — непонятно. Если колбасы нет сверху, вряд ли она из застенчивости спряталась в овощном ящике. Пусто. Игорь Павлович закрыл дверцу. Открыл опять. Результат тот же.

— Вот ведь.

Новая жизнь упёрлась в первую практическую проблему. Жрать нечего. Можно было, конечно, считать, что великий поворот судьбы требует философского осмысления. Новое тело. Другая эпоха. Исчезновение Владимира. Тайное сотрудничество с неведомой государственной структурой. Но организм считал иначе. Организму требовалась колбаса. Через двадцать минут Игорь Павлович стоял в магазине. Очередь тянулась от прилавка почти до двери. За прилавком лежали сыр, колбаса, масло, какие-то консервы. Ничего особенного. И всё почему-то выглядело празднично. Перед Игорем Павловичем две женщины обсуждали цены.

— Я тебе говорю, к Новому году опять поднимут.

— Куда уже?

— А им всё мало.

Сзади мужчина недовольно сопел, периодически прижимаясь сумкой к спине. Кто-то пытался пройти без очереди. Немедленно началась маленькая война.

— Женщина, вас здесь не стояло!

— Я только спросить!

— Все только спросить!

— А чего вы орёте?!

Игорь Павлович слушал и почему-то улыбался. Никаких бандитов. Никаких кассет. Никакой погони. Высшая степень угрозы общественному порядку — тётка в зелёном берете, пытающаяся купить масло без очереди. Удивительный мир. И ведь буквально несколько дней назад именно таким миром жила почти вся Москва. Люди ругались из-за цен, ждали автобусов,

забирали детей из школы, ходили на работу и совершенно не представляли, что в пяти остановках от них один идиот носится с видеокассетой, а за ним половина уголовного населения города. Игорь Павлович купил колбасу, хлеб, масло, яйца, пачку макарон, чай, сахар и зачем-то банку сгущёнки. Сгущёнку Владимир любил с детства. Игорь Павлович — не особенно.

Но рука сама положила банку в корзину. У кассы он посмотрел на неё.

— Ладно. Живи.

Продавщица настороженно глянула. Игорь Павлович сделал вид, что разговаривает не со сгущёнкой. Дома он разложил продукты. Колбасу — на полку. Масло — туда же. Яйца — в специальную решётку на дверце. Сгущёнку поставил отдельно. Получилось уютно. Настолько уютно, что даже подозрительно. Игорь Павлович сварил макароны, поджарил два яйца, отрезал колбасы. Поесть можно было и лучше, но сама возможность спокойно готовить ужин казалась роскошью. Телевизор работал. По какой-то программе кто-то серьёзно обсуждал политику. Игорь Павлович послушал минут пять и выключил звук.

За девяносто четыре года он выяснил одну замечательную особенность политики: если подождать лет двадцать, почти все очень важные сегодняшние споры перестают иметь хоть какое-нибудь значение. Зато макароны пережарить можно прямо сейчас. Он поел. Вымыл тарелку. Поставил чашку сушиться. Сел в кресло. И обнаружил, что делать больше нечего. Совсем. Игорь Павлович посмотрел на часы. Без десяти семь. Рано. Можно читать. Книг почти нет. Можно смотреть телевизор. Не хочется. Можно позвонить Машке. Не сегодня. Почему — он и сам толком не понимал.

Может быть, потому, что там всё было сложнее бандитов. Бандит хотя бы сразу объясняет, чего хочет. Машка могла одним взглядом напомнить Владимиру половину его прежней жизни, а Игорю Павловичу — что эта жизнь ему не принадлежит. Можно лечь спать. В семь вечера. Прекрасная идея для девяносточетырёхлетнего старика. Но в зеркале сидит мужик сорока двух лет и, судя по организму, совершенно не собирается отходить ко сну вместе с программой «Время». Игорь Павлович включил звук. Через пять минут выключил. Подошёл к окну. Во дворе дети что-то кричали. Мужчина ковырялся под капотом «Жигулей». Женщина тащила сумки. Из подъезда напротив вышла собака, вслед за ней хозяин. Обычная жизнь.

Игорь Павлович вдруг прислушался. На лестнице шаги. Прошли выше. Лифт остановился этажом ниже. Хлопнула дверь. Во дворе затормозила машина. Снова шаги. Каждый звук отмечался отдельно. Не страх даже. Готовность. Организм будто ждал команды. Сейчас. Вот сейчас начнётся. Но ничего не начиналось. Прошло десять минут. Пятнадцать. Полчаса. Игорь Павлович почувствовал себя неуютно. Когда человек долго находится рядом с железной дорогой, он перестаёт замечать поезда. А если поезда вдруг перестают ходить, просыпается от тишины. Вот и сейчас. Последние дни были сплошным грохотом. Погони. Выстрелы. Чужие лица. Деньги. Страх. Убийства. Поиск выхода. Снова страх. Снова выход.

Человек привыкает ко всему, особенно если не успевает подумать. А теперь думать разрешили. Зря. Игорь Павлович снова подошёл к зеркалу. В отражении был всё тот же Владимир. Нет. Не так. В отражении было его тело. Вот только кого именно — «его»? Игорь Павлович вдруг представил, что будет через год. Через пять. Через десять. Мысль оказалась настолько непривычной, что пришлось сесть. В девяносто четыре года будущее измеряется иначе. Не годами. До весны. До Нового года. До следующего обследования. До момента, когда перестанешь ходить самостоятельно. Очень дальняя перспектива — следующий день рождения, если врачи настроены оптимистично. А сейчас организму сорок два.

Допустим, не случится никакой новой ерунды с бандитами, государственными тайнами, автомобилями и огнестрельным оружием. Что тогда? Пятьдесят. Шестьдесят. Семьдесят. Может, восемьдесят. Игорь Павлович даже тихо присвистнул. Это же ещё одна жизнь целиком. Почти столько, сколько нормальному человеку дают с самого начала. Только этому человеку достался комплект б/у: тело Владимира, воспоминания Владимира, бывшая жена

Владимира, дети Владимира и сам Игорь Павлович в качестве программного обеспечения. Интересно, гарантия предусмотрена? Телефон зазвонил так резко, что Игорь Павлович вскочил. Сердце ударило в грудь. Раз. Два. Телефон звонил. Николай Евгеньевич. Конечно. Кто ещё знает номер?

Значит, началось. Игорь Павлович в два шага оказался возле аппарата, но трубку сразу не снял. Звонок. Ещё. Он посмотрел на дверь. На окно. На часы. Очень глупо. Телефон — не граната. Хотя после последних событий лучше ничего не утверждать наверняка. На шестом звонке Игорь Павлович снял трубку.

— Да?

В трубке зашуршало. Потом старческий женский голос спросил:

— Галочка?

Игорь Павлович молчал.

— Галочка, это ты?

— Нет.

— А Галочку можно?

— Здесь Галочки нет.

Пауза.

— Как нет?

Игорь Павлович посмотрел на аппарат, словно тот мог объяснить.

— Обыкновенно. Не проживает.

— Молодой человек, это квартира двадцать семь?

— Не знаю.

— Как не знаете?

Хороший вопрос. В собственной квартире человек обязан знать номер. Игорь Павлович поискал глазами какую-нибудь подсказку. Не нашёл.

— Подождите.

Он положил трубку на стол, не отключая, вышел в прихожую, открыл дверь и посмотрел на номер снаружи. Тридцать четыре. Вернулся.

— Тридцать четыре.

— Ой!

Старушка на другом конце даже обрадовалась.

— Значит, я неправильно набрала.

— Похоже.

— Извините, молодой человек.

Молодой человек. Игорь Павлович усмехнулся.

— Ничего.

— А то у меня Галочка в двадцать седьмой, я ей с утра звоню…

Началась история Галочки. Почему она не отвечает. Что у неё давление. Что зять нехороший человек. Что внучка собралась поступать неизвестно куда. Игорь Павлович сначала хотел вежливо закончить разговор. Потом передумал. Стоял, держал трубку и слушал совершенно незнакомую старуху. Она говорила минуты две. Может, три. Наконец спохватилась:

— Ой, что это я вам всё рассказываю. Извините ещё раз.

— Ничего страшного.

— Спокойной ночи.

— И вам.

Гудки. Игорь Павлович медленно положил трубку. Постоял. Потом почему-то начал смеяться. Без причины. Или как раз по очень хорошей причине. Николай Евгеньевич не звонил. Нового задания нет. Бандиты не нашли. Старушка просто ошиблась номером. В мире всё ещё существовали люди, которые звонили не потому, что хотели тебя использовать, запугать, убить

или куда-нибудь отправить. Некоторые просто искали Галочку. Игорь Павлович сел в кресло. Посмотрел на тёмное окно. За ним жила Москва девяносто четвёртого года — грязная, нервная, бедная, опасная. Та самая Москва, из которой он когда-то ушёл в будущее, прожил ещё тридцать лет, состарился и умер. Теперь она каким-то образом вернула его обратно.

Не совсем его. Не совсем обратно. Но уж как сумела. В квартире было тихо. И впервые эта тишина не казалась пустотой. Игорь Павлович подумал о завтрашнем дне. Завтра можно было сходить к Машке. Можно было поискать работу. Можно было просто пройтись по Москве. Можно было вообще ничего не делать. Никто пока не требовал решения. Странное слово — «завтра». В девяносто четыре года оно постепенно превращается из обещания в предположение. А здесь, в сорок два, снова становилось планом. Игорь Павлович выключил свет и лёг. Перед самым сном он по старой привычке прислушался внутрь.

— Володя?

Тишина. На этот раз Игорь Павлович не стал звать второй раз. Повернулся на бок, сунул руку под подушку и закрыл глаза. Наверное, завтра действительно могло ничего не случиться. И он пока совершенно не понимал — хорошо это или плохо.

ГЛАВА 2
ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕТ

Игорь Павлович проснулся в половине седьмого и минут пять лежал, пытаясь понять, какого черта так рано. На работу не надо. Бандиты, судя по всему, выходной взяли. Николай Евгеньевич обещал связаться, но ни времени, ни формы связи не уточнил, а значит, вполне мог дать человеку поспать хотя бы часов до девяти. Тем более человек только что родился во второй раз, а это, если разобраться, мероприятие довольно утомительное. Тем не менее, сон ушел окончательно. Игорь Павлович встал.

Нет, все-таки замечательное изобретение — молодое тело. Можно проснуться, встать и пойти. Без промежуточных операций. В девяносто четыре года он иногда минут десять собирал себя по частям: сначала ноги, потом спину, потом голову, а уж если всё это заработало одновременно — считай, день удался. А здесь даже обидно. Организм вполне готов к трудовым подвигам, а подвигов никто не заказал. Игорь Павлович прошел на кухню, поставил чайник, достал вчерашнюю колбасу. Нарезал. Сыр положил отдельно. Хлеб накрыл полотенцем. Чай поставил справа от тарелки. Потом вдруг остановился.

На стуле у двери уже висели брюки и рубашка. На тумбочке лежали ключи, деньги и документы. Сумка стояла так, чтобы её можно было схватить, не заходя обратно в комнату. Куртка висела поверх остальных вещей, а не под ними. Игорь Павлович медленно оглядел хозяйство. Сам всё это сделал. Вчера вечером. Не задумываясь. Да что же такое — новая квартира за одну ночь превратилась в стартовую площадку для бегства. Нормальные люди перед сном кладут возле кровати тапочки. Игорь Павлович положил фонарик. Зачем? Электричество могут отключить. Кто? Неизвестно. Почему? Тоже неизвестно. Главное — быть готовым. Игорь Павлович вздохнул, взял фонарик и демонстративно переложил его в ящик.

Потом подумал и вернул обратно. Пусть лежит. Есть не просит. Чайник засвистел. Телефон зазвонил почти одновременно. Игорь Павлович посмотрел на него. Ну вот. Дождался. Вчера Галочка, сегодня, скорее всего, уже государство. Он снял трубку.

— Владимир?

Голос незнакомый.

— Допустим.

— Николай Евгеньевич просил быть в одиннадцать по адресу...

Игорь Павлович взял карандаш.

— Медленнее. Я человек немолодой.

Собеседник назвал улицу и номер дома.

— А чего там?

— Вам скажут.

— Кто?

— Николай Евгеньевич.

— А вы кто?

Пауза.

— Вам это зачем?

— Любопытный.

На той стороне явно не оценили.

— В одиннадцать.

— Понял.

— Не опаздывайте.

— Никогда.

Трубку положили. Игорь Павлович ещё немного подержал свою. Интересные люди. Все знают, куда ему идти, когда прийти, что делать, и только главный участник мероприятия, то есть сам Игорь Павлович, каждый раз находится в счастливом неведении. С другой стороны, может, это и правильно. Меньше знаешь — крепче спишь. Хотя вот сегодня крепче поспать не получилось. До одиннадцати было больше трех часов, так что Игорь Павлович не спеша позавтракал, побрился, несколько раз переоделся и, в конце концов, выбрал обычные брюки, свитер и куртку. Перед выходом зачем-то сунул в сумку красную шапочку. Постоял. Поморщил лицо. Вынул. Опять сунул.

Нет, все-таки привычки Владимира имели неприятное свойство становиться разумными именно после того, как над ними уже вдоволь посмеялись. До места Игорь Павлович добрался за сорок минут до назначенного времени. Так получилось. Вообще, человек, имеющий встречу в одиннадцать, должен приходить без пяти. Максимум без десяти, если воспитан советской властью и напуган возможностью заставить ждать начальство. Но Игорь Павлович вышел заранее. Потом приехал заранее. А раз приехал — чего стоять как столб? Прошел мимо нужного дома. Завернул за угол. Посмотрел двор. Другой выход. Арка. Подъезды. Магазинчик. Через дорогу автобусная остановка.

В общем, обычная городская география, которая всего пару недель назад совершенно не занимала ни Владимира, ни Игоря Павловича, а теперь почему-то сама раскладывалась в голове на варианты: сюда войти, отсюда выйти, здесь затеряться, там машина не пройдет. Вот что делает с человеком активная культурная программа с погонями и стрельбой. Игорь Павлович купил газету и устроился возле витрины какого-то магазина. Почитал заголовки. Потом через газету посмотрел на прохожих. Никого интересного. Еще пять минут. Опять никого. Он уже собрался решить, что окончательно превратился в идиота, когда рядом прозвучало:

— Давно меня заметили?

Игорь Павлович чуть не выронил газету. Слева стоял мужчина лет сорока. Когда подошел? Хрен его знает. Среднего роста, не толстый, не худой. Короткие темные волосы. Серое пальто. Шарф. Лицо совершенно нормальное. Увидишь утром в автобусе — вечером даже жене не расскажешь. Игорь Павлович посмотрел на него.

— Сейчас.

— Хорошо.

— Чего хорошего?

— Не стали врать.

Мужчина протянул руку.

— Алексей Бессонов.

Игорь Павлович пожал. Рука сухая, крепкая, но не такая, чтобы специально показать силу.

— Владимир.

— Знаю.

— Тогда зачем представлялся?

Бессонов впервые слегка улыбнулся.

— Вежливость.

— А-а. Я уж думал, у вас положено.

— У нас много чего положено.

— А рассказывают мало.

— Это тоже положено.

Не понравился он Игорю Павловичу. Совершенно. Не потому что грубый — как раз наоборот. Не потому что опасный — с первого взгляда не скажешь. Просто Бессонов был из тех людей, которые заранее знают, где будет стоять стул, куда ты сядешь и что спросишь через

пять минут. А Игорь Павлович таких всегда слегка недолюбливал. Наверно, потому что сам обычно узнавал, куда сел, уже после того, как стул под ним ломался.

— Пойдемте, — сказал Бессонов.

— Куда?

— Вы же пришли к Николаю Евгеньевичу.

— Пришел.

— Вот и пойдемте.

— Логично.

Они прошли во двор. Интересно — Игорь Павлович только что этот двор осматривал, но Бессонова не видел. Может, тот сидел в машине. Может, в подъезде. А может, все время стоял за спиной и терпеливо наблюдал, как новоявленный разведчик листает газету вверх ногами. Игорь Павлович быстро посмотрел на газету. Нет. Правильно держал. Уже легче. Здание оказалось обычным административным. Никаких табличек с названием грозного учреждения. Вахтерша на входе вязала что-то серое и даже головы не подняла, когда Бессонов показал удостоверение. На второй этаж. Коридор. Дверь. Еще дверь. Игорь Павловичу вдруг пришло в голову, что он понятия не имеет, где находится.

То есть, адрес знает. А вот куда пришел — нет. Очень удобная организация. Особенно если потом понадобится доказывать, что никогда тут не был. Николай Евгеньевич сидел за столом. Сегодня без своих фокусов с пистолетом-зажигалкой, что уже само по себе улучшало настроение. На столе бумаги, телефон, пепельница, сигареты. Обычный кабинет обычного чиновника среднего ранга. Если не знать, чем хозяин занимается, можно решить, что заведует снабжением, строительством или распределением путевок в ведомственный санаторий.

— Проходите, Владимир.

Игорь Павлович сел. Бессонов остался стоять возле окна.

— Алексей уже представился?

— Представился.

— Как впечатление?

Игорь Павлович оглянулся на Бессонова.

— Подозрительный.

Николай Евгеньевич рассмеялся. Бессонов — нет.

— Леша, слышал?

— Слышал.

— Огорчился?

— Очень.

По лицу этого не скажешь.

— Ну, хорошо, — Николай Евгеньевич подвинул пепельницу, закурил. — Давайте сразу определимся, чтобы потом не было взаимных разочарований. На службу мы вас не берем.

Игорь Павлович чуть подумал.

— А я просился?

— Нет.

— Тогда пока никаких разочарований.

— Это хорошо. В штат вы нам и не нужны.

— Вот сейчас уже начинает становиться обидно.

Николай Евгеньевич выпустил дым и посмотрел куда-то мимо него.

— Видите Бессонова?

Игорь Павлович оглянулся.

— Пока вижу.

— Алексей профессиональный сотрудник. Учился, служил, потом снова учился, имеет специальную подготовку, опыт оперативной работы, умеет стрелять, водить машину, вести

наблюдение, обнаруживать наблюдение, знает массу вещей, половина которых вам вообще никогда не понадобится.

— Очень рад за Алексея.

Бессонов опять никак не отреагировал. Может, у него мимические мышцы на служебном положении экономии находились.

— Допустим, — продолжил Николай Евгеньевич, — мы возьмем вас и лет пять будем всему этому учить.

— Мне сорок два.

— Именно.

— Пока закончите, я уже на пенсию соберусь.

— В нашем ведомстве это не самый большой недостаток. Но дело даже не в возрасте. Через пять лет из вас получится плохой Бессонов.

Игорь Павлович снова посмотрел на образец.

— Спасибо. Особенно приятно, что при нем.

— Леша не обидчивый.

— Я заметил.

— А зачем мне плохой Бессонов, если хороший уже есть?

Вопрос был настолько разумный, что спорить не хотелось.

— Тогда зачем вам я?

Николай Евгеньевич улыбнулся.

— Вот это как раз интереснее.

Он поднялся, прошел к окну, встал рядом с Бессоновым.

— Вы делаете все неправильно.

— Спасибо.

— Не обижайтесь. Это комплимент.

— У вас своеобразные методы повышения самооценки.

— Профессионал, когда за ним гонятся, действует по определенной схеме. Отрывается от наблюдения. Меняет транспорт. Проверяет хвост. Идет на запасную квартиру. Использует заранее подготовленные документы. Связывается с группой.

— А я?

— А вы прыгаете в бетонный короб.

Игорь Павлович поморщился. Неприятное воспоминание.

— Потом убиваете трех человек люковой крышкой.

— Не специально всех крышкой.

— Простите. Один получил камнем.

— Вот.

— Существенная поправка.

Бессонов отвернулся к окну. Игорь Павлович заподозрил, что тот все-таки улыбается.

— Потом, — продолжал Николай Евгеньевич, — прячетесь в подвале. Покупаете оружие. Устраиваете драку на Горбушке. Снова кого-то убиваете. Снова исчезаете. Появляетесь там, где вас никто не ищет. Причем половина ваших решений объективно идиотские.

— Ну спасибо!

— Я еще не закончил. Вторая половина настолько нестандартна, что профессионал до нее не додумается.

Игорь Павлович задумался.

— Это уже больше похоже на похвалу.

— Это и есть похвала.

— А где граница между идиотским решением и нестандартным?

Николай Евгеньевич сел.

— В результате.

— Очень научно.

— Зато точно.

Игорь Павловичу вдруг стало смешно. По существу этот человек предлагал ему работу на основании того, что он несколько дней подряд творил черт знает что, но все-таки остался жив. Интересная квалификация. Можно в трудовой книжке записать: «Специалист по выкручиванию из полной задницы».

— Значит, — сказал Игорь Павлович, — я буду у вас кем-то вроде дурака по вызову?

Бессонов кашлянул. Николай Евгеньевич довольно долго смотрел на Игоря Павловича.

— Если хотите, можете считать и так.

— Не хочу.

— Тогда внештатным помощником.

— Уже солиднее.

— Только удостоверения не будет.

— Почему?

— Потому что вы внештатный.

— Логично.

— Оружия служебного постоянно тоже не будет.

Игорь Павлович удивился.

— А как же я?

Николай Евгеньевич поднял бровь.

— Что — вы?

— Ну, мало ли.

— Вот именно. Мало ли. После того количества оружия, которое прошло через ваши руки за последнюю неделю, я предпочитаю некоторое время держать вас подальше от пистолетов.

— Я вообще-то не виноват.

— Конечно.

— На меня нападали.

— Верю.

— А звучит так, будто нет.

— Владимир, если вы однажды придете сюда и скажете: «Николай Евгеньевич, я совершенно случайно нашел пулемет», я даже не удивлюсь.

— Пулемет мне не нужен.

— Слава богу.

Игорь Павлович немного подумал.

— А деньги?

Вот. Добрались до главного. Можно сколько угодно рассуждать о долге, государстве, нестандартном мышлении и прочей высокой материи, но жрать человек хочет независимо от политического строя. Николай Евгеньевич назвал сумму. Игорь Павлович прикинул. Неплохо. Очень даже. По нынешним-то временам. Не богатство, но жить можно совершенно спокойно.

— За что?

— За готовность.

— К чему?

— Когда позвоню — встретиться.

— И всё?

— Нет. Если будет работа — за нее отдельно.

— А если работы месяц не будет?

— Получите деньги.

— Два?

— Тоже.

— Год?

Николай Евгеньевич усмехнулся.

— Владимир, если я целый год ни разу вам не позвоню, считайте, что стране необыкновенно повезло.

Аргумент. Игорь Павловичу почему-то стало неуютно. Деньги за безделье в советском воспитании воспринимались неправильно. Конечно, все всю жизнь мечтали получать и ничего не делать, но, когда такая возможность вдруг появлялась, нормальный человек начинал искать подвох.

— А если я скажу нет?

Николай Евгеньевич не сразу понял.

— Чему?

— Работе. Позвоните, предложите что-то, а я скажу: не хочу.

Бессонов слегка повернул голову. Ага. Вот теперь интересно стало и ему. Николай Евгеньевич затушил сигарету.

— Можете.

— Просто так?

— Просто так.

— И ничего не будет?

— Владимир, вы хотите, чтобы я вас сейчас припугнул?

— Нет. Я хочу знать правила.

— Тогда правило простое. Вы не сотрудник. Приказов вам никто отдавать не будет.

— А просьбы?

— Будут.

— От которых нельзя отказаться?

— Бывают такие просьбы.

Ну вот. Приехали.

— Значит, все-таки работа.

— Нет.

— А в чем разница?

— Работник обязан выполнить приказ. А вы можете отказаться.

— И?

Николай Евгеньевич развел руками.

— И когда-нибудь узнаем, что произойдет.

Игорь Павлович внимательно посмотрел на него. Не угрожает. Но и не обещает. Умный мужик. С такими тяжелее, чем с бандитами. Бандит говорит: сделаешь — будешь жить, не сделаешь — закопаем. Все ясно, можно планировать. А тут: «посмотрим». Чего смотреть-то?

— Хорошо, — сказал Игорь Павлович. — Допустим.

— Вот и договорились.

— Не договорились. Я сказал «допустим».

— Это практически одно и то же.

— Для вас?

— Для меня.

Николай Евгеньевич посмотрел на часы.

— Теперь Алексей немного с вами погуляет.

Игорь Павлович посмотрел на Бессонова.

— А я ему зачем?

— Будет объяснять элементарные вещи.

— Например?

— Как не привести человека, который за вами идет, прямо домой.

Игорь Павлович обиделся.

— Я уже научился.

Бессонов впервые вступил сам:

— Нет.

Одно слово. Вот сволочь.

— Откуда знаете?

— Видел.

— Где?

— Сегодня.

Игорь Павлович замолчал. Бессонов спокойно добавил:

— Вы три раза оглянулись, два раза остановились у витрины и один раз сделали вид, что читаете газету.

— Я и читал.

— Третью страницу минут пятнадцать.

Ну и что? Может, материал интересный. На улице Бессонов сказал:

— Идем обычно.

— А до этого как шли?

— Вы — напряженно.

— Не замечал.

— Все замечают. Человек, который очень старается выглядеть естественно, выглядит неестественно.

— Глубокая мысль.

— Полезная.

Они пошли по улице. Минут пять Бессонов молчал. Потом спросил:

— Кто идет за нами?

Игорь Павлович чуть не оглянулся. Удержался.

— С чего вы взяли, что кто-то идет?

— Потому что я попросил.

— Ваш?

— Мой.

Игорь Павлович принялся смотреть. Не слишком явно. В отражения витрин. На перекрестках. Людей много. Мужчина в кепке. Нет, свернул. Девушка. Нет. Старик с авоськой. Хотя почему нет? Самый лучший шпион — старик с авоськой. Никто не заподозрит. Игорь Павлович еще раз посмотрел через стекло.

— Вон тот, в синей куртке.

— Нет.

Через минуту:

— С портфелем.

— Нет.

— Бабка?

Бессонов посмотрел на него.

— Какая?

— С сумкой.

— Ей лет семьдесят.

— Маскировка.

— Владимир...

— Ну а чего вы спрашиваете, если сами знаете?

Бессонов молча шел дальше. Еще через десять минут они остановились возле метро.

— Всё?

— Всё.

— И кто?

Бессонов посмотрел назад. Мимо прошел молодой человек лет двадцати пяти в светлой куртке. Совершенно неприметный. В руке какой-то журнал. Игорь Павлович видел его. Раз пять. И каждый раз не замечал. Парень дошел до перехода и исчез.

— Он?

— Он.

— Да ладно.

— Именно.

— А чего в нем такого?

— Ничего.

Бессонов чуть улыбнулся.

— Поэтому вы его и не заметили.

Это было обидно. Игорь Павлович всю последнюю неделю только и делал, что чувствовал чужие взгляды, вычислял преследователей, отрывался, прятался. Оказывается, вычислял только тех, кто сам особенно не прятался.

— Ладно, — сказал Игорь Павлович. — Учтем.

— Вот это правильный ответ.

Они снова пошли. Бессонов стал объяснять. Не очень много. Как смотреть назад, не поворачивая голову. Почему нельзя постоянно менять темп. Почему бессмысленно трижды переходить улицу, если преследователь видит, что его проверяют. Где удобнее остановиться. Как пользоваться общественным транспортом. Игорь Павлович слушал. Полезно. Безусловно. Но через некоторое время спросил:

— А если я в парикмахерскую зайду?

Бессонов остановился.

— Что?

— В парикмахерскую.

— Зачем?

— Постригусь.

— Мы говорим о наружном наблюдении.

— Я понимаю.

— Причем здесь стрижка?

— Ну, представьте. Вы за мной идете. Я вас заподозрил. Вместо всех ваших переходов, автобусов и прочего захожу в парикмахерскую.

— И?

— Сажусь.

— И?

— Стригусь.

Бессонов посмотрел так, будто перед ним был пациент, которого слишком рано выпустили из больницы.

— Дальше?

— А вы что делать будете?

— Подожду.

— Где?

— Найду место.

— Двадцать минут?

— Допустим.

— А если очередь?

— Подожду дольше.

— А потом я выйду постриженный.

— И что изменится?

— Внешность.

— Незначительно.

— Для вас. А тому второму, которому вы по телефону передали «мужчина в меховой шапке, волосы из-под ушей», уже придется думать.

Бессонов помолчал.

— Можно надеть другую шапку.

— Можно. А можно и постричься. Главное — вы не знаете, что я сделаю.

— Потому что это нелогично.

— Во!

Игорь Павлович обрадовался.

— Вот именно. Вы всё время учите, как правильно. А тот, кто за мной идет, тоже знает, как правильно. Значит, иногда надо делать неправильно.

Бессонов некоторое время смотрел на него.

— Николай Евгеньевич примерно это и говорил.

— Значит, умный человек.

— Иногда.

— А вы?

— А я предпочитаю сначала научиться делать правильно.

Тоже, между прочим, умная мысль. Следующим пунктом программы оказался тир. Игорь Павлович сразу насторожился. Не от пистолетов. После последней недели отношение к оружию стало вполне деловым. Пистолет — вещь полезная, только почему-то рядом с ним обязательно начинают происходить неприятности. Но стрелять при людях... Вот это хуже. Пока тебя никто не проверяет, всегда можно думать, что ты скрытый талант. Вдруг просто обстоятельства мешали? Темно. Страшно. По тебе стреляют. Руки трясутся. Позиция неудобная. А вот сейчас станет ясно, талант или обычный косоглазый гражданин.

Инструктор был мужик лет пятидесяти, небольшой, сухой, с красными руками и лицом человека, который всю жизнь наблюдал чужую глупость и давно перестал ей удивляться. Бессонов сказал ему несколько слов. Тот посмотрел на Игоря Павловича.

— Стреляли?

Игорь Павлович задумался. Что отвечать? Игорь Павлович лично — нет. Владимир — да. Тело — тоже да. Но объяснять эту классификацию не хотелось.

— Немного.

— Из ПМ?

— В основном.

— В основном?

— Так получилось.

Инструктор пожал плечами. Ему явно встречались клиенты и страннее. Дали наушники. Пистолет. Мишень. Игорь Павлович взял оружие. Руки все помнили. По крайней мере, что куда вставлять, уже хорошо.

— Пять выстрелов, — сказал инструктор.

Игорь Павлович поднял пистолет. Прицелился. Выстрел. Первый ушел куда-то в белое. Второй ближе. Третий вообще непонятно. Четвертый попал в силуэт. Пятый — тоже. Кажется. Мишень подтянули. Инструктор долго смотрел. Потом на Игоря Павловича. Потом опять на мишень.

— Ну...

Нехорошее начало.

— Если противник будет один, шанс есть.

— Спасибо.

— Только близко.

— Насколько?

— Метров пять.

Игорь Павлович вздохнул.

— А если трое?

Инструктор совершенно серьезно ответил:

— Попросите стать рядом.

Бессонов отвернулся. Вот теперь точно смеется.

— А если откажутся?

Инструктор, наконец, усмехнулся:

— Тогда убегайте. Это у вас, говорят, лучше получается.

Чертов Николай Евгеньевич. Уже биографию распространил среди трудящихся. Еще несколько серий получились лучше. Не хорошо. Но лучше. Пули хотя бы начали собираться примерно в той области мишени, где у нормального человека располагается туловище. Игорь Павлович немного приободрился.

— Видите?

Инструктор кивнул.

— Прогресс.

— То-то же.

— Еще пару тысяч патронов — и можно разговаривать.

Обрадовал. Когда вышли, Николай Евгеньевич ждал в коридоре. Откуда взялся — неизвестно. Может, приехал специально. Может, тир тоже принадлежит его загадочному хозяйству, где все появляются из стен и знают, сколько раз ты оглянулся по дороге.

— Ну? — спросил он Бессонова.

— Учится.

— А стреляет?

Бессонов задумался. Игорь Павлович перебил:

— Нормально.

Бессонов посмотрел.

— В сторону мишени.

— Это уже половина успеха.

Николай Евгеньевич засмеялся.

— Вот и прекрасно.

— Чего прекрасного?

— Ничего страшнее дилетанта, который решил, что он профессионал. Вы пока точно знаете, что стрелять не умеете.

— Спасибо вам обоим.

— Не расстраивайтесь, Владимир. Стрелков у меня хватает.

Они пошли к выходу. Уже возле двери Николай Евгеньевич остановился.

— Кстати.

Игорь Павлович обернулся.

— Что?

— Насчет вашего вопроса.

— Какого?

— Зачем вы нам.

Николай Евгеньевич показал на его руки.

— Руками вы пока ничего особенного не умеете.

— Опять приятно.

— А голова работает интересно.

— Иногда.

— Именно. Иногда. Причем обычно тогда, когда нормальные люди уже выбрали один из двух очевидных вариантов.

Игорь Павлович пожал плечами.

— Может, я просто не понимаю очевидных.

— Возможно.

Николай Евгеньевич улыбнулся.

— Поэтому пока руками ничего не трогайте.

— Почему?

— Боюсь, голова не успеет придумать, как исправлять.

И ушел. Игорь Павлович остался возле двери с Бессоновым. Несколько секунд оба молчали. Потом Игорь Павлович сказал:

— Он всегда такой?

— Какой?

— Вроде похвалил, а хочется дать по морде.

Бессонов подумал.

— Привыкнете.

Игорь Павлович посмотрел ему вслед. Нет. Вот к этому привыкать как раз не хотелось. Хотя, с другой стороны, квартира есть. Деньги будут. Работы пока нет. Никто не стреляет. Да еще совершенно бесплатно учат, как правильно убегать от людей, которые когда-нибудь, возможно, захотят стрелять. Неплохая жизнь получается. Подозрительно неплохая. Игорь Павлович вышел на улицу, остановился и машинально оглядел прохожих. Мужчина с портфелем. Две женщины. Парень с газетой. Бабка с сумкой. Игорь Павлович задержал взгляд на бабке. А черт их знает. Теперь уже каждому верить перестанешь. Бабка прошла мимо, сердито толкнув его сумкой.

— Чего встал поперек дороги?

Игорь Павлович посторонился.

— Извините.

Бабка удалилась. Нет. Наверно, не наружка. Хотя работает натурально. Игорь Павлович усмехнулся и пошел к метро. Первый рабочий день на работе, которой у него не было, можно было считать законченным.

ГЛАВА 3
МАШКА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.